

лит. газетч. - 1992. - 4 март 12101 - С 5

Карло КОЛЛОДИ Приключения Пиноккио

Ничего не имею против милой сказоч-
ки Алексея Толстого о веселом, про-
казливом Буратино, счастливом об-
ладателе волшебного ключика. Но
так случилось, что каждый раз,
встречая этот образ в книгах, журналах,
театре, кино и даже на конфетных фан-
тиках и бутылочных этикетках, я испыты-
вал смутное раздражение, с которым
ничего не мог поделать.

А случилось так потому, что в детстве
— в отличие от большинства советских
детей — мне каким-то чудом удалось
познакомиться с оригиналом — книгой
итальянца Карло Коллоди «Приключения
Пиноккио». Затрудняюсь вспомнить, что
это было за издание. Кажется, болгар-
ское, но на русском языке, с роскошны-
ми цветными картинками. Я был пора-
жен этой чудесной книгой, которая по-
том куда-то пропала и за которую я се-
годня с легкостью пожертвовал бы доб-
рой частью своей библиотеки.

Влюбленный в Пиноккио, я уже не мог
слышать ни о каком Буратино. С тех пор
мне не часто приходилось видеть книгу

Коллоди в советском издании. Видимо,
версия «красного графа», этот адаптиро-
ванный «Пиноккио», более устраивала
наших издателей. В самом деле — зачем
нам итальянский деревянный человечек,
если есть свой, советский?

Наконец наши издательства нарушили
это негласное табу на «Пиноккио». Я ку-
пил книгу своему шестилетнему сыну...
нет, скорее, самому себе и с жадностью
перечитал.

Будем справедливы. Художественная
версия Ал. Толстого несомненно талант-
ливая и, пожалуй, даже более «детская».
Но в его изложении исчезли две вещи.
Во-первых, национальный дух книги, на-
писанной под жарким солнцем Италии,
в гомоне кривых улочек, ведущих к мо-

рю, и шумных торговых площадей. «Бу-
ратино» все же сохранил «солнечность»
своего предка, но напрочь утратил мель-
чайшие черты национального колорита.
Исчезла фактура, остался лишь сказоч-
ный сюжет.

Во-вторых, «Пиноккио» в отличие от
«Буратино» — книга, исполненная высо-
чайшего трагического смысла. Не в зо-
лотом ключе от волшебного счастья
здесь дело, а в том, с какими болью,
потом и кровью рождается из деревян-
ного болвана — ЧЕЛОВЕК. С душой,
сердцем и внутренним достоинством.
Книга Коллоди кричит об образе чело-
веческом, который так легко потерять и
так нелегко трудно обрести. В этой
книге, по существу очень реалистиче-
ской, происходит только одно ЧУДО.
Это чудо воплощения куска дерева, год-
ного разве что для растопки печи, в жи-
вого мальчика. Когда это случилось? Ко-
гда деревянный человечек, пройдя адо-
вы круги всевозможных испытаний, вер-
нулся в ДОМ к ОТЦУ, старому Джеллет-
то. Встреча отца с сыном, их соединение
— и есть чудо.

Я читал «Пиноккио» своему сыну, и
тот страшно сердился. Как все советские
дети, он — поклонник Буратино. «За-
чем он врет?! (Это о Коллоди. — П. Б.)
В «Буратино» все не так!» О, Боже! Ис-
кусную подделку он принял за ориги-
нал! Как часто бывает в нашей жизни...

П. Б.

